

**М. А.
АНТОНОВИЧ**

Максим Алексеевич Антонович Единство физического и нравственного космоса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826675

Аннотация

«... Человек стоит в середине между двумя противоположными бесконечностями, бесконечностью в великом и бесконечностью в малом. Он есть средоточие обоих миров – великого и малого; он первенец и венец природы. Для чего же возникло это удивительное существо? Какая цель человеческого существования? В чем состоит задача или загадка человеческой жизни?..»

Максим Алексеевич Антонович

Единство физического и нравственного космоса

...Человек стоит в середине между двумя противоположными бесконечностями, бесконечностью в великом и бесконечностью в малом. Он есть средоточие обоих миров – великого и малого; он первенец и венец природы. Для чего же возникло это удивительное существо? Какая цель человеческого существования? В чем состоит задача или загадка человеческой жизни?..

Над этим вопросом трудились много мудрых умов и много почтенных голов, «головы в иероглифных кидарах, в черных беретах, в чалмах, в пудре и париках». Они придумали множество решений; но ни одно из последних не имело признаков естественности, и все отличались большою фантастичностью. Странно сказать – а кажется, это верно, – что эти почтенные головы напрасно трудились и ломали себя; потому что ларчик просто открывается, хотя, с другой стороны, уже давно замечено, что простое решение всегда находится после всех. Самый естественный и ничем неопровержимый ответ на приведенный вопрос, тот, что человек су-

существует для того, чтобы существовать, живет для того, чтобы жить. Этот ответ тривиальный, это повторение вопроса; или, точнее и откровеннее говоря, это уничтожение вопроса; но зато всякий другой ответ будет неестествен, всякая другая общая задача для человека будет навязанною, потому что будет противоестественно все то, что вы захотите привить к человеку помимо жизни или наперекор жизни.

Никто не станет отрицать того, что человек существует потому, что была и есть возможность его существования. Все человеческие Свойства, силы, инстинкты, стремления, словом, вся его природа имеет целью и задачей поддержание его жизни; его существование есть результат или свод всех его естественных деятельностей и отправлений. Если бы в природе человека был элемент, враждебный Существованию, то он или должен был бы элиминироваться, или разьесть самую природу и уничтожить его существование. Поэтому совершенно противоестественно ставить человеку какую-нибудь задачу помимо жизни; это значило бы отвлекать его деятельность от ее цели и тем вредить самой жизни. Вне жизни нет и не может быть для человека ничего, а в жизни все. Если он дурно провел жизнь, то для него все потеряно. Если он стремился к чему-нибудь мне жизни, то он гонялся за мечтой, напрасно тратил свои силы, шел против себя и природы. Строго говоря, это и невозможно, потому что природа не допускает нарушения ее законов и не примет ничего, что не гармонирует с жизнью – целью и функциею человеческого

организма. Против этого можно указать на то, что человек может идти против природы, что он может ставить себе какие угодно цели, предаться обжорству и пьянству, не работая вовсе головой, или ничего не есть и не пить, и непрестанно отягчать свою голову, изнурять себя бессонными ночами и т. д. Но это будет жизнь не полная, не естественная; природа накажет за нее неприятностями, страданиями, сокращением самой жизни, подобно тому как всякую естественность и исполнение ее предписаний она награждает приятностью, удовольствием, укреплением и продлением жизни.

Поэтому для устранения указанного возражения нужно сказать, что цель человеческого существования есть жизнь полная, разумная, приятная, словом, естественная жизнь, в которой уже сами собой заключаются другие указанные качества. К сожалению, такие высокие слова, как «жизнь», «приятность», «удовольствие», совершенно опошлены перетолкованиями и злоупотреблениями их. Под хорошею жизнью обыкновенно разумеют роскошь, возможность не стесняться в самых нелепых желаниях; под удовольствиями разумеются кутеж, обжорство, пьянство, сладострастие и т. п.; все это вместе называется «благами жизни». Для приобретения средств для такой жизни считается дозволительным все: подлости, мошенничества, всякого рода бесчестные дела, раболепство, торговля телом и душою, измена, предательство и т. д.; так что если вы спросите какого-нибудь негодяя, почему он никогда не знает ни чести, ни совести, он скажет

вам: потому что он возлюбил блага жизни; по его понятиям, честь и совесть вовсе не относятся к благам жизни. Такой хорошей жизни противопоставляется неприятная нравственно-разумная жизнь, далекая от удовольствий, полная лишений, самоотречения и вся составляющая насилие природе, поэтому она не жизнь, а тягость, наказание. Обыкновенно предполагается, что на каждое доброе и честное дело, вообще на добродетель, человек должен принуждать себя, переломить себя, пересилить; что добродетель есть нечто отталкивающее, неприятное для человека, что она вовсе не есть стремление, потребность или результат природы человека, не есть удовлетворение его естественным инстинктам, потому-то она и не сопровождается приятностью и удовольствием, как всякое другое удовлетворение им. Добродетель есть нечто приказываемое и навязываемое человеку извне, есть какой-то «категорический императив», который деспотически властвует над человеком, насильно заставляя его быть нравственным; потому-то добродетель и неприятна, как всякое противоестественное насилие. Шиллер очень едко изобразил этот взгляд следующими словами: «Я охотно оказываю услуги друзьям, только, к сожалению, я делаю это с удовольствием, и потому мне кажется, что я недобродетелен: добродетель состоит в том, чтобы стараться презирать их и потом с отвращением исполнять то, что велит долг». Если бы предоставить человека самому себе, его естественным стремлениям, то он постоянно предавался бы только роскоши, обжор-

ству, пьянству, истощающему сладострастью и для приобретения этих благ жизни делал бы бесчестные подлости и пошлости и никогда бы не подумал ни о чем разумном и добром. Поэтому человеку не нужно давать воли, а следует держать его в страхе и подчинении.

Может ли быть что-нибудь неестественнее этого взгляда и оскорбительнее для человеческой природы? При таком взгляде, действительно человек, кроме жизни, может иметь еще другую цель, постороннюю и даже враждебную для жизни, напр., разумность или добродетель, к которым он может стремиться наперекор жизни, вопреки естественным влечениям и потребностям. Но возможно ли это? Справедливо ли это? Ужели в самом деле разумная добродетель/ не только не составляет естественной потребности человеческой природы, но даже не гармонирует с нею? В таком случае добродетель была бы физически невозможна; ее так же невозможно было бы привить к человеческой природе, как привить к человеческому организму ветку дерева или кусок камня. Нет, добродетель есть жизнь, одна из потребностей и сторон жизни; она имеет основание в самой природе человека. Если человек стремится к разумной добродетели, то для того, чтобы сделать свою жизнь полнее, приятнее, богаче удовольствиями, словом, естественнее. Удовольствие, ощущаемое при этом человеком, именно доказывает, что разумно-добродетельною деятельностью удовлетворяется один из естественных инстинктов его природы. Это самодовольствие и удо-

вольствие есть высшая награда добродетели и вовсе не служит для ее унижения.

Возьмем, напр., самые неприятные, самые, по-видимому, противоестественные добродетели, терпящую лишения честность и на все готовое самоотвержение и сравним их с роскошью, добытою бесчестьем и подлостями. Бесчестный негодяй утопает в роскоши и при этом еще все норовит, как бы надуть, обокрасть другого, как бы подороже продать себя и других; честный же, самоотверженный человек довольствуется весьма скромной долей и при этом еще многим жертвует для других. Для чего тот и другой действуют таким образом и получают ли они какое-нибудь удовольствие? Относительно первого этот вопрос несомненен; все признают, что роскошный негодяй имеет в виду себя, действует для удовольствия и достигает его. Относительно второго немногие признают, что, жертвуя собою для другого, он действует для себя, имеет в виду достижение удовольствия, и весьма немногие согласятся, что он достигает его. Однако самый грубый анализ показывает, что бесчестный и самоотверженный человек действуют по формально одинаковым побуждениям, имея в виду стремления собственной личности, что и последний получает от своей деятельности такое же удовольствие, как и первый; но что мы говорим – такое же? Несравненно большее, прочнейшее и разумнейшее! Разумный человек поступает честно и самоотверженно, потому что этого требуют его ум, его, понятия или, лучше сказать, его убеж-

дения, его чувства, словом, вся его нравственная природа, получающая высокое наслаждение от удовлетворения; иначе он действовать не может, потому что в противном случае он ощущал бы ад внутри себя, неумолимые укоры совести, терпел бы боль и страдания от неудовлетворения своей нравственной природы. Источник удовольствия для честного и нравственного человека в нем самом, тогда как для бесчестного богача он вне, в случайных, преходящих обстоятельствах, а внутри он, может быть, терпит целый ад, и его мучит совесть, голос которой он не может заесть обжорством, запить пьянством и заглушить всевозможными чувственными наслаждениями.

Таким образом, даже такое бескорыстнейшее и, по-видимому, столь далекое от жизни и даже противоположное ей стремление и действие человека, как самоотверженная добродетель, имеет в виду жизнь, служит жизни, делая ее полнее и приятнее, доставляя человеку удовольствия, нисколько не зависящие от случайных обстоятельств, каковы материальные средства, богатство, власть и пр. Поэтому уже с несомненностью можно применить это положение к другим сторонам человеческой деятельности.